В конце концов, это было глупо. Она явно знала, что Шао Чжэньжун не вернется. Как бы ей ни было грустно, он больше не вернется.

Она не могла контролировать свою бессвязную речь, - "Я знаю, что ты меня ненавидишь. Я также очень сильно ненавижу себя. Я недостойна Шао Чжэньжуна. Так оно и есть - я недостойна. Ты был прав в том, что сказал тогда. Если бы я ушла от него раньше, с ним все было бы в порядке. Если бы я никогда его не встретила, насколько все сложилось бы хорошо? Но он определенно отправился бы в зону бедствия, потому что он хороший человек. Он такой глупый, но он определенно пошел бы спасать людей, потому что он врач. Но... Если бы я никогда не встретила его, возможно, я бы не думала, что я такая ужасная..."

Он сказал, - "В тебе нет ненависти. Иногда ты бываешь глупа и безрассудна, совсем как Чжэньжун."

"Чжэньжун не дурак!" - пробормотала она, - "Он просто слишком мил, слишком добр..." - она подумала об этих клочках бумаги, о каждом его слове, обо всем, что он сделал, о ней и своем прошлом. Но судьба была так скупа, не желая дать ей больше счастья.

Воспоминания были чем-то вроде душераздирающего счастья.

Его глаза смотрели в неведомую пустоту, - "В моем сердце он всегда был ребенком, и я всегда думаю, что он глуп."

Оказалось, что Чжэньжун тоже считал ее глупой и обращался с ней как с ребенком. Как только вы искренне полюбите кого-то, только тогда вы сочтете его глупым, нуждающимся в защите и нуждающимся в вашей жалости.

Она почувствовала, что алкоголь поднимается вверх, и когда он достиг ее глаз, то превратился в жгучий пар, готовый вот-вот вырваться наружу. Она покачала головой, словно пытаясь проснуться, но его лицо заколебалось у нее перед глазами, и она не могла ясно разглядеть, кто он такой... Она сказала очень тихим голосом, - "Можно я тебя обниму? На долю секунды."

Она боялась, что он откажется, поэтому протянула руку, чтобы обнять его, не дожидаясь ответа.

У него был запах, который был ей наиболее знаком, может быть, это была иллюзия, но он был так знаком. Изгиб его спины заставил ее почувствовать облегчение, как будто он никогда и не уходил. Она уткнулась лицом ему в спину, разделенная одеждой, как будто ее разделяли тысячи гор и рек, но в этой жизни не было другого пути, они больше не могли идти рука об руку.

После долгого, долгого времени она не осмеливалась пошевелиться, боясь, что при малейшем движении слезы навернутся у нее на глаза.

Ее рука все еще мягко сжимала его талию. Ее тонкие пальцы, казалось, обладали небольшой силой. Ее дыхание было немного тяжелым, немного теплым и влажным, проникающим сквозь его рубашку. Он повернул лицо и увидел ее слегка прикрытые глаза. Ее ресницы казались влажными, как кусты у озера осенним утром, подернутые легкой дымкой. Ее зрачки должны быть очень глубокого янтарного цвета, со странной мягкостью, похожей на канифоль, как будто они не затвердели, но он обнаружил, что ему трудно освободиться от нее, стирая все в одно мгновение, словно в каком-то почти болезненном трансе.

Он знал, что был немного пьян. Алкоголь ударил ему в голову. Ему действительно отчаянно хотелось оттолкнуть ее. В ее дыхании чувствовался сладкий запах сливового вина. Она была слишком близко, и он мог ясно видеть каждое подрагивание ее ресниц. Они были похожи на лепестки по утрам, еще покрытые теплой росой. У них была застенчивая красота. Даже он не понимал, о чем думает, как будто в его голове не было места для размышлений, прежде чем он уже поцеловал ее в губы, неся неожиданное удивление, трогая невероятной нежностью.

Она инстинктивно начала сопротивляться и неопределенно отказывалась от этого, но он обнял ее крепче, как будто никогда не обнимал ее раньше. Ее губы были мягкими, но в ее дыхании чувствовался соблазнительный аромат. Он не мог остановиться, как мотылек, который бросился в огонь, позволив пламени сжечь свои крылья, раздробить кости и превратить в пепел, но остановиться было невозможно.

У него было горе, которое ранило его до мозга костей, как у хронически больного пациента, не смирившегося, но как бы он ни боролся и как бы долго ни продержался, это было бесполезно. Он знал только, что давно этого хотел. Он не знал, когда это началось. Его сердце требовало этого беспокойства, и все же она словно бы изливалась в его объятия, заставляя его чувствовать себя зависимым и неспособным иметь какую-либо причину. Она явно была табу, к которому нельзя было прикасаться, но оцепенение от алкоголя заставило его поддаться.

Должно быть, она плакала. Его пальцы коснулись капель холодной воды, но это было похоже на прикосновение к горячему пламени. Внезапно к нему вернулась ясность, и он понял, что делает. Он быстро отпустил ее, встал и отвернулся. Спустя долгое время он услышал свой голос. Его тон вернулся к тому холодному и спокойному, - "Мне очень жаль. Я напился." Прежде чем она смогла заговорить, он сказал, - "У меня есть кое-какие дела, и я должен уйти. Просто закрой дверь, когда будешь уходить."

Он поднялся на лифте прямо в гараж и вывел машину из комплекса. Он посмотрел вперед. Там горел красный свет. Только тогда он понял, что люк в крыше машины когда-то был открыт, и в него врывался ветер. Его макушку обдуло очень холодным ветром. Он закрыл люк в крыше и повернул на следующем перекрестке, но неосознанно поехал обратно к воротам жилого комплекса. Когда его машина проезжала мимо, он случайно увидел ее, стоящую на обочине дороги в ожидании такси. На холодном ветру поздней осени белый свитер с короткими рукавами очень бросался в глаза. В свете уличного фонаря он казался бледно-оранжевым. Она стояла одна под светом. На самом деле, она не была такой уж хорошенькой. Он видел много красавиц. С точки зрения красоты, несмотря ни на что, ее нельзя было считать подавляющей, способной покорять страны и города. Более того, у нее всегда была изможденность, которая исходила из-под бровей, как цветок, но, когда подул западный ветер, она уже увяла.

Он ошеломленно смотрел на задние фары автомобиля перед собой, как пара красных глаз, плывущих в реке машин, бессознательно плывущих по течению.

Он не знал, как долго ехал по улице, он помнил только, что несколько раз проезжал мимо проспекта Чанъань. Это была самая прямая улица в городе, с огнями по обеим сторонам, похожими на жемчужины, как будто здесь выстроились самые яркие и чистые жемчужины. Он бесцельно развернулся и поехал по аллеям между деревьями Гохуай. Ночь стала тише, и звук опавших листьев был едва слышен. Время от времени он встречал машину, едущую по встречной. Яркие фары, как у сонного человека, мигали.

Наконец он вернулся домой глубокой ночью. Возможно, потому, что фары машины были слишком яркими, или его движение было слишком громким, и он разбудил Шао Кайсюань. Она выбежала в халате и остановилась на ступеньках, глядя, как он входит. Она не могла не быть немного удивлена, - "Почему ты вернулся в это время?"

Он редко возвращался посреди ночи, потому что в доме было тихо, и, если его позднее возвращение встревожит отца, его неизбежно отругают. Но в это время он чувствовал только усталость и сонливость, поэтому он сказал маме, - "Скорее иди в дом и ложись спать." Он повернулся и пошел в сторону западного двора. Шао Кайсюань казалась немного обеспокоенной, - "Юйчжэн, ты пьян?"

"Нет."- он просто устал. Когда она спросила, он вспомнил, - "Где папа? Разве он не вернулся?"

"Он поднялся на гору на встречу", - Шао Кайсюань тщательно проверила выражение его лица и спросила, - "Ты что-то натворил?"

"Мама", - он был немного нетерпелив, - "я больше не ребенок."

Шао Кайсюань сказала, - "У тебя и у твоего отца одинаковое отношение. Всякий раз, когда ты приходишь домой, ты встречаешь меня с таким плохим настроением. Если я задам всего один вопрос, ты рассердишься. Я вам обоим что-то должна или как? Что старый, что малый. Ни один из вас не позволяет мне чувствовать себя спокойно."

Лэй Юйчжэн сначала чувствовал себя очень усталым, но ему пришлось неохотно восстанавливать силы, чтобы справиться с матерью, и улыбнулся, - "Мама, это не потому, что я устал? Твой сын устал проводить весь день на улице, общаясь с капиталистами и наемными работниками, и теперь, когда я возвращаюсь, чтобы увидеть тебя, мой первоначальный облик полностью раскрыт. Не сердись, давай я помассирую тебе плечи", - сказав это, он поднял руки.

Шао Кайсюань не смогла сдержать улыбки, - "Хорошо, хорошо. Быстро ложись спать."

Старомодная ванна все еще стояла там. Набирать горячую ванну было слишком долго, поэтому он просто принял душ и лег спать.

Он спал очень крепко. В середине сна он почувствовал жажду, встал и выпил стакан воды, затем упал и продолжил спать. Вскоре после того, как он заснул, ему показалось, что голос Шао Кайсюань дважды окликнул его, вероятно, призывая встать и поесть. По какой-то причине все его тело было таким мягким, что ему не хотелось двигаться, поэтому он проигнорировал мать, перевернулся на другой бок и продолжил спать. Он наконец проснулся, кто знает, через сколько времени. Он увидел, как за окном сияет солнце. Его разум был затуманен, возможно, потому, что он слишком долго спал. Он вспомнил, что дом, в котором он жил, выходил окнами на запад. Так что если солнце било в окно, то уже должен был быть полдень. Он был удивлен. Он взял часы с прикроватного столика и посмотрел на них. Действительно, был уже полдень.

Он не ожидал, что проспит так долго, но все равно чувствовал себя очень усталым, как будто плохо спал. Он встал, чтобы умыться. Как только он переоделся и вышел из ванной, он вдруг увидел, как Шао Кайсюань толкнула дверь и вошла. Видя, что он ищет подходящий галстук, она спросила, - "Снова уходишь?"

"В компании есть дела, которыми нужно заняться", - он сказал, наблюдая, как осунулось лицо Шао Кайсюань, поэтому он добавил, - "В прошлый раз ты не придиралась к ципао? Я попросил кое-кого найти для тебя портниху. Я попрошу его скоро прийти, чтобы сшить одно для тебя?"

(прим. перев.: ципао – традиционное китайское платье)

Шао Кайсюань вздохнула, - "Я пришла навестить тебя утром. У тебя была ужасно высокая температура, и ты не ответил, даже когда я позвала тебя. Я боялась, что ты подхватил сильную лихорадку. Потом, увидев, как это проходит, ты крепче заснул. Ты уже такой большой. Почему ты все еще не знаешь, как позаботиться о себе? Ты даже не знал, что у тебя жар. После того, как ты встанешь на ноги, ты продолжишь бороться со своей жизнью. Это же не так срочно - мчаться в компанию. С какой целью ты бегаешь туда-сюда?"

Значит, это была лихорадка. Будучи взрослым, он редко простужался, а в детстве у него лишь изредка поднималась температура. Он был в добром здравии, поэтому никогда не принимал лекарств и всегда сразу засыпал. Как только лихорадка спадет, все будет хорошо. Поэтому он улыбнулся Шао Кайсюань, - "Послушай, разве со мной сейчас не все в порядке?"

Шао Кайсюань все еще слегка волновалась, - "Вы все выросли и заняты своими собственными делами. Твой старший брат занят работой, это неизбежно. Но я даже тебя почти не вижу." Она подумала о младшем сыне, почувствовала себя еще более подавленной и остановилась здесь.

Лэй Юйчжэн быстро сказал, - "Я не уйду сегодня, я останусь дома на два дня." Затем он спросил, - "Есть что-нибудь поесть? Я весь проголодался."

Шао Кайсюань действительно была отвлечена его словами, - "Я знала, что ты захочешь поесть, как только проснешься. На кухне сварили кашу и вау-тоу."

Он съел кашу за обеденным столом. Маринованные огурцы шеф-повара были очень

освежающими. В сочетании с белой кашей у него не мог не появиться аппетит. Только он съел две ложки каши, как вдруг услышал нежное, детское "Йи?"

Оглядываясь назад, он увидел, что это была его маленькая племянница Юаньюань, которой только что исполнился год, она вперевалку вошла. Маленькая девочка, которая выглядела вырезанной из розового нефрита, была одета в кремово-белое кашемировое платье и носила маленькие розовые крылышки на спине. Она была похожа на маленького ангела, улыбалась ему, показывая свои редкие зубы, - "Дядя." Он наклонился, чтобы поднять ребенка, усадил ее к себе на колени и спросил: "Юаньюань ест кашу?"

Юаньюань покачала головой и посмотрела на него широко раскрытыми водянистыми глазами, - "Дядя любит кашу, Юаньюань не любит кашу." Мать Юаньюань Вэй Луосянь уже вошла, - "Аа, так это был дядя, который любит кашу."

Юаньюань мгновенно соскользнула с его колен на пол и вразвалку подошла к матери. Вэй Луосянь взяла свою дочь на руки, но спросила Лэй Юйчжэна, - "Что ты опять сделал не так?"

Семьи Вэй и Шао были друзьями. Поэтому, хотя Вэй Луосянь была его невесткой, но поскольку он на два года младше ее, и они знали друг друга с детства, они всегда разговаривали небрежно. Поэтому он сказал, - "Почему ты, как старая леди, надеваешь шляпу мне на голову, как только говоришь."

"Если бы ты не попал в беду, почему бы ты так вяло сидел здесь и ел кашу?" - Вэй Луосянь скривила губы, - "Я в это не верю!"

"Я слишком устал. Разве я не могу приехать домой и отдохнуть два дня?"

Вэй Луосянь улыбнулась и оглядела его с ног до головы, - "Может быть, ты наконец получил свое возмездие и наконец вернулся, чтобылизать свои раны?" Лэй Юйчжэн был ошеломлен, а затем спросил, - "Какое еще возмездие?"

"Тоска по любви." - Вэй Луосянь все еще улыбалась, - "Каждый раз, когда ты бросаешь девушку, ты такой бессердечный. Поэтому я подумала, что когда-нибудь ты получишь возмездие."

"Кого я бросил? Разве это не была просто Лин Момо? Это давно в прошлом, и именно она упомянула о расставании. Это меня бросили."

"Забудь об этом, все еще используя эти старые семена кунжута и гнилые зерна, чтобы избежать этой проблемы. Я не старая леди. Твои романтические долги, тебе не нужно скрывать их от меня. В прошлом месяце мой друг видел, как ты привел на ужин очень красивую девушку. Я слышала, что это была даже большая звезда. За месяц до этого кто-то видел, как ты пригласил красивую женщину поиграть в теннис, а в прошлом, в прошлом месяце..."

Лэй Юйчжэн без всякого выражения на лице налил себе еще одну миску каши, - "О, хватит. Ты можешь использовать этот набор, чтобы попытаться обмануть моего старшего брата. Давай посмотрим, как он с тобой справится."

Вэй Луосянь усмехнулась и села за обеденный стол со своим ребенком на руках, - "Ай, позволь мне сказать тебе по секрету, если ты, золотой холостяк, все еще не можешь найти кого-нибудь, мама планирует устроить тебе свидания вслепую, сказав, что ты уже вышел из возраста. Есть три вида грихов, и отсутствие ребенка - это величайшей из них."

Он не прекращал ковыряться в каше, - "Ерунда, маму отправили в США в возрасте двенадцати лет, и только в докторской степени у нее их две. Она настоящая интеллектуалка. Она говорит по-английски и по-немецки лучше, чем даже я. У нее не было бы таких феодальных идей."

<http://tl.rulate.ru/book/68432/1822410>